

Михаил Петрович Арцыбашев

Смех

Михаил Арцыбашев

Смех

«Public Domain»

1903

Арцыбашев М. П.

Смех / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1903

«За окном расстилались поля. Рыжие, зеленые и черные полосы тянулись одна рядом с другой, уходили вдаль и сливались там в тонкое кружевное марево. Было так много света, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тесно в своем собственном узком, маленьком и тяжелом теле. Доктор стоял у окна, смотрел на поля и думал: „Ведь вот...“...»

Михаил Петрович Арцыбашев

Смех

За окном расстилались поля. Рыжие, зеленые и черные полосы тянулись одна рядом с другой, уходили вдаль и сливались там в тонкое кружевное марево. Было так много света, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тесно в своем собственном узком, маленьком и тяжелом теле.

Доктор стоял у окна, смотрел на поля и думал: «Ведь вот...»

Смотрел на птиц, которые быстро и легко уносились вдаль, и думал: «Летят!..»

Но на птиц ему было легче смотреть, чем на поля. Он сумрачно наблюдал, как они уменьшались и таяли в голубом просторе, и утешал себя: «Не улетите... не здесь, так в другом месте... все равно сдохнете!..»

А радостно зеленеющие поля наводили на него уже полную тоску, томительную и безнадёжную. Он знал, что это уж вечно.

«Все это необыкновенно старо! – сердито перебивал он свои мысли. – Это еще когда сказано: „И пусть у гробового входа... красною вечною сиять... равнодушная природа...“ Это уже даже пошло!.. Даже глупо думать об этом! Я всегда считал себя гораздо умнее и... впрочем, все это пустяки... Да... это совершенно все равно, что бы я ни думал... все равно: не в том дело, что я по этому поводу подумаю».

Страдальчески морщась и подергивая головой, доктор отошел от окна и стал тупо смотреть на белую стену.

В голове его, совершенно помимо его воли и сознания, рождались, всплывали, как пузырьки воздуха в мутной воде, лопались и расплывались быстро одна за другой те самые мысли, которые в последнее время стали обычными для него. Именно в последнее время, после того, как в день своего рождения он вдруг понял, что ему уже шестьдесят пять лет, и что теперь уже наверное он скоро умрет. То нездоровье, которое он чувствовал перед тем целых две недели, еще больше напомнило ему о неизбежной необходимости пережить ту минуту, о которой он и раньше без замирания сердца не мог думать.

«А ведь будет, будет... одна эта сотая секунды, когда настанет самый перелом!.. По эту сторону секунды – жизнь, я, а по ту – уже ничего... так-таки совершенно ничего?.. Не может быть!.. Тут какая-нибудь ошибка!.. Ведь это „чересчур“ ужасно...»

А теперь он уж совершенно ясно понял, что никакой ошибки нет, что вот-вот и начнется это.

И каждый раз, когда у него заболела голова, грудь или желудок, когда ноги или руки были слабее обычного, ему приходило в голову, что именно теперь он начинает умирать. И эта мысль была очень проста, совершенно вероятна и потому нестерпимо ужасна.

Но самое мучительное началось тогда, когда он, вообще мало и невнимательно читавший, прочел в одной книге ту мысль, что как ни велико разнообразие в природе, а все-таки рано или поздно комбинация должна повториться и создать такое же существо и даже то самое положение дел. В первую минуту ему даже стало как будто легче, но уже в следующее мгновение он пришел в бешенство.

«Ну да... комбинация... ничто не ново под солнцем... так... я очень хорошо знаю, что позади меня такая же вечность, как и впереди; значит, я сам теперь – только повторная комбинация... А ведь я ровно ничего не помню о первой комбинации... и выходит, что дело не во мне, а в комбинации!.. Как же это?.. Ведь я чувствую, как неизмеримо важно то, что я живу, как это мучительно и прекрасно... ведь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существует для меня только потому, что я вижу, слышу, нюхаю... потому что у меня есть глаза, уши, нос... Значит, я – громаден, я помещаю в себе все и сверх того еще страдаю!.. И вдруг комбина-

ция!.. О, черт!.. Какое мне дело до комбинации, быть только повторяющейся, с известным промежутком времени, комбинацией!..»

И доктор чувствовал страшную, неутолимую ненависть к тому воображаемому человеку, который там, когда-то, будет таким, как он.

«А ведь это так и будет: повторяются же мысли человеческие, и как еще часто повторяются... повторится, значит, и человек... а-а-а! Даже мои мысли, мои страдания вовсе неважны и не нужны никуда, потому что то же самое с одинаковым успехом передумают и перечувствуют еще миллионы всяких комбинаций... О-очень приятно, черт бы вас драл!..»

И состояние доктора ухудшалось день ото дня и, доходя по ночам до галлюцинаций, стало уже сплошным кошмаром страдания. Снилось ему только его смерть, похороны, внутренность могилы; иногда, для разнообразия снилось, что он погребен заживо, снились еще почему-то черти, в которых он твердо не верил. Днем он уже постоянно думал на одну и ту же тему: «Организм разрушается...»

Он замечал это в том, что ему тяжело взойти на лестницу больницы, что ему приходится иногда кряхтеть, вставая или нагибаясь. От дум у него началась бессонница, а бессонница, как ему казалось, была предсмертным явлением.

Как раз прошлую ночь он вовсе не спал, и оттого у него в голове было точно тяжелое и угарное похмелье. Те мысли, которые прошли в эти часы бесцельного лежания в нагретой липкой постели, под крик и смех сумасшедших в буйной палате, были так омерзительно страшны, что доктор даже юлил и обманывал самого себя, стараясь думать, что ничего не помнит.

Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на белой стене. В конце концов, он-таки вспомнил то, чего больше всего старался не вспоминать: как художественно ясно представился ему процесс разложения, та слизь и гниль, которая получится из него, представились толстые, ленивые, белые черви, распухшие от его гноя... Он всегда боялся червей. А они будут ползать во рту, в глазах, в носу и везде...

– Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! – сердито закричал доктор, громко, на всю комнату. Голос у него был пронзительный.

Фельдшер отворил дверь, посмотрел и затворил.

«Бывает так вот: лечит, лечит, да и сам того!..» – подумал он, и с большим удовольствием, потому что ему было страшно скучно, пошел сказать другому фельдшеру, что старший, кажется, «того».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.